

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В КУЗБАССЕ (1918 – 1925 гг.)**

Ю. П. Горелов

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PENAL SYSTEM IN KUZBASS (1918 – 1925)

Yu. P. Gorelov

В статье рассматривается процесс формирования пенитенциарной системы в Кузбассе в годы Гражданской войны и первые годы Советской власти. Автор выявил элемент преемственности в деятельности этих учреждений в самых разных исторических условиях

The paper discusses the process of formation of the penitentiary system in Kuzbass in the years of the Civil War and the first years of Soviet power. The author has identified an element of continuity in the activities of these institutions in various historical conditions

Ключевые слова: Гражданская война, Кузбасс, тюрьма, условия содержания, Советская власть, омская власть.

Keywords: Civil War, Kuzbass, prison, detention conditions, the Soviet government, Omsk authorities.

Проблема становления и развития уголовно-исправительной системы всегда была важной для широкой общественности. В то же время актуальность данной темы определяется недостаточной степенью её изученности, тем более история пенитенциарной системы – неотъемлемая часть отечественной истории. Именно беспрецедентные по масштабам события начала XX века, связанные с Первой мировой войной, революциями и классовыми битвами, породили феномен массового террора, а затем интенсивного применения принудительного труда в различных отраслях народного хозяйства.

Сегодня понятно, что без изучения истории зарождения пенитенциарной системы в Кузбассе, одного из старейших центров тюремного ведомства, невозможно представить целостной картины становления и развития уголовно-исполнительной системы не только Сибири, но и всей страны в целом. Приход к власти большевиков и следовавшая за этим переворотом Гражданская война кровавой межой разделила Россию на два лагеря. Не обошла она стороной и краевое пенитенциарное ведомство. В Кузбассе от старого режима сохранились тюрьмы в Мариинске, Щегловске, Кольчугино, Кузнецке, в сёлах – арестантские избы и «каталажки». В губернском центре Томске, в соседних городах Нивониколаевске, Красноярске, Барнауле – типовые концлагеря. Услугами таких заведений регулярно пользовались представители как красных, так и белых властей. Примеры тому – содержание в них бойцов Мариинского фронта, участников Чумайского, Кольчугинского восстаний, партизан, дезертиров, агитаторов антиправительственных партий и движений [6].

Из поезда Л. Д. Троцкого, курсировавшего по фронтам Гражданской войны, через газету «В пути» 13 октября 1918 г. сообщали: «В Сибири интернируют не только членов партии большевиков, но и простых рабочих. Во многих местностях Сибири устроены большие концентрационные лагеря для арестованных и их семейств. Арестованные привлекаются к работе на шахтах, где должны работать день и ночь».

Вместе с ними противники большевиков активно использовали труд военнопленных. Кроме рудников, они трудились на государственных и частных оборонных предприятиях, а также в хозяйствах белогвардейских солдат [9, с. 308].

Параллельно стала формироваться и советская уголовно-исполнительная система. На освобожденных от белых территориях её создавали: Сибирский революционный комитет, Сибирское бюро ЦК ВКП(б), специально назначенные комиссары, а также тюремные подотделы Сибюста, органы ВЧК и другие силовые структуры. Вскоре заработали и первые советские лагеря. Об актуальности их существования впервые заявило Постановление СНК от 5 сентября 1918 г. «О Красном терроре». В нём говорилось, что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путём изолирования их в концентрационных лагерях. Важным для властей Сибири стали постановления ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 15 апреля, а также от 17 мая 1919 г. и другие аналогичные декреты. В основе документов, кроме угроз классовому врагу, лежал накопленный опыт по использованию труда арестантов в годы недавних войн и революционных битв [7 – 8].

Острой проблемой для первых лагерей был кадровый вопрос. Новую администрацию набирали из малограмотных революционеров, часто из нерусских, зато имевших богатый опыт каторги и ссылок и проявивших себя в гражданской войне. Яркий пример такого администратора – начальник Щегловской тюрьмы латыш Ф. А. Брокер [11, с. 22 – 23].

Младшее звено комплектовали из трудового сословия с трехмесячным испытательным сроком. Новые работники приравнивались к военнослужащим Красной Армии и получали особый продовольственный паёк. Охрану мест заключения осуществляли гарнизонные части сибирских городов, подразделения Томского караульного полка, местные партизаны (в Мариинске из отряда П. К. Лубкова). Однако, система, как и в дореволюционной России, оставалась криминальной и слобоуправляемой. В ней практикова-

лось хищение имущества, продовольствия, рукоприкладство, разгильдяйство, пьянство, круговая порука, что заставляло советскую администрацию и партийные комитеты регулярно проводить кадровые чистки [8].

Нехватка средств приводила к тому, что, как и в старорежимное время, губернские газеты снова запестрели объявлениями, обращенными теперь уже к советским учреждениям и отдельным гражданам, желающим использовать в своих целях труд заключенных. В прессе сообщалось: заявки подавать в комиссию по труду, а деньги с квитанцией об оплате – в администрацию пенитенциарного учреждения [12, с. 101 – 103]. Кроме того, дополнительными распоряжениями властей разъяснялось, что арестантов, лояльных режиму, после специальных проверок можно направлять на нужды трудовых и боевых частей Красной Армии [8].

Значительную часть контингента заключенных первых месяцев советской власти составляли не только классовые враги, но и иностранные военнопленные совершившие различные преступления. Такие люди рассматривались новой властью как свободные рабочие руки, остро необходимые для подъема экономики пролетарского государства. Однако ситуация с содержанием и обеспечением заключенных была катастрофической. Отсутствие финансирования привело к тому, что отдельные лагеря для своих нужд наладили выпуск собственных денег. В результате многие подневольные просили милостыню, занимались спекуляцией, воровством частного и лагерного имущества (швейных машинок, хозяйственного инвентаря, слесарного и плотницкого инструмента и т. д.).

Секретные агенты из лагерей сообщали, что людей кормят тухлой кониной, а также им не дают никакой работы. Кроме того, осужденные заявляли, что при Колчаке обстановка в местах лишения свободы была куда лучше, при нём работали разные мастерские и даже выпускались спички [5]. Неуютным было положение арестантов в губернских тюрьмах. Из докладов проверяющих следовало, что камеры переполнены вшивыми, больными людьми, у которых нет даже постельных принадлежностей. Заключенные в помещениях окружены грязными стенами со следами раздавленных клопов [2, с. 62 – 63].

Властями были сделаны определённые выводы. С лета 1920 г. в Сибири заработали подотделы принудительных работ. Новый орган имел несколько отделов. Основными были административный, отвечавший за кадровый состав, хозяйственный – за материально-техническое обеспечение, а также учётно-распределительный – за трудовую деятельность. Именно эти отделы создавали дополнительные отделения от основных концлагерей. Там из арестантов формировали уборочные и молотильные отряды, сельскохозяйственные фермы и даже подразделения добровольцев на Польский фронт. Решая актуальные вопросы продовольственного и имущественного обеспечения, «Сибкомтруд» теперь использует возможности получения заработка не только у мелких советских учреждений и частных, но и значительные партии людей направ-

ляет трудиться на железные дороги, рудные и угольные копи, лесозаготовки [5].

Следует отметить, что первоначально советских лагерей было немного. На декабрь 1920 г. на всю страну их числилось меньше сотни. В лагерях, кроме военнопленных, около 50 % составляли «паразитические слои населения», т. е. торговцы, спекулянты, взяточники, саботажники, различного рода контрреволюционеры и другие лица [12].

В начале 1921 г. вышел декрет о карательной политике органов ЧК. Переполненные тюрьмы было рекомендовано освобождать за счёт пересмотра дел осужденных из числа рабочих и крестьян. Однако по отношению к враждебной советской власти буржуазии репрессии следовало усилить, изолировать их от основной массы заключенных в особых концентрационных лагерях [8, с. 421]. Кроме того, в это же время, благодаря пропагандистской акции норвежского учёного Ф. Нансена и проверок чекистов, сибирское лагерное население пополняется «новыми врагами» из числа реэмигрантов, прибывших из-за границы, а также военнослужащих белых армий и анархистски настроенных «красных партизан» [1, с. 57].

Ужесточение карательной политики привело к расширению пенитенциарной системы. Кроме домов заключения (тюрем), характерной тенденцией становится строительство новых принудительных лагерей. Для них возводились бараки по типу казарм лагерей Первой мировой войны. В Кузбассе преобладали в основном два вида таких сооружений. Первый – это рубленый в лапу барак. Внутри него устанавливались печи с вытяжными трубами, стены конопатились и обшивались досками. Из-за холода сокращали количество окон, а также вход защищали дощатым тамбуром. Второй вид представлял из себя барак-землянку с благоустройством по первому типу, но зарытую до окон в почву. На поверхности оставалась только двускатная крыша. Попасть в помещение можно было с помощью углублённой в землю лестницы. В таких жилищах было прохладно летом и тепло зимой, но в период дождей было сыро. Сами лагеря строили с учётом нахождения производственных объектов с максимальным удалением от населённых пунктов. Прямоугольную площадь зоны от гражданского населения изолировали рядами заборов из колючей проволоки, а также сторожевыми вышками по периметру ограды. Внутри зоны, кроме жилых казарм находились пищевые блоки, административные и складские помещения, а также другие, необходимые для проживания людей объекты [6, с. 306 – 307].

С зимы 1922 г. карательная система подвергается очередному реформированию. Сначала за лагеря отвечал наркомат юстиции, затем наркомат внутренних дел [3, с. 232]. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. окончательно разделил заключенных на две группы. Первых, социально близких советскому режиму, отправляли в общие места лишения свободы. Вторых, т. е. бывших «эксплуататоров», изолировали в отдалённых местах. В Кузбассе «классовые враги» первоначально были собраны в старейших лагерях севера области: в Ново-Ивановке, Мариинске,

Тайге и др. Здесь они сменили военнопленных Первой мировой войны [12].

Очередная передача в 1925 г. лагерей теперь уже во всесоюзную систему НКВД и следовавшие затем индустриализация и коллективизация привели к росту значимости в стране всей карательной системы. Объясняя необходимость укрепления репрессивного аппарата, Н. И. Бухарин в дискуссии того времени заявлял: «Мы прибегаем к целому ряду старых методов. Армия была и теперь есть Красная Армия, тюрьмы были есть, государственные учреждения есть, система принуждения есть, террористический режим есть, только направленный на другие цели... Мы только перевернули понятие «свобода». Раньше была свобода для помещиков и капиталистов, а мы сделали для рабочих и крестьян» [Цит. по: 10, с. 27].

Стоит заметить, что пролетарские вожди такими установками уже на раннем этапе существования сво-

его государства всему миру показали, что закон и право вовсе не одно и то же, закон может быстро стать не правовым, если он поощряет политический и экономический произвол самого государства. Проживание огромной массы людей в стране, в которой установилась новая идеология, не прошло бесследно. Дальнейшие события, разворачивавшиеся при сталинских реформах в СССР, увеличили количество противников советской власти и как результат огромный рост тюрем и принудительных лагерей.

Итак, уголовно-исполнительная система Кузбасса берёт своё начало из пенитенциарной системы дореволюционной России. На основе опыта Первой мировой и Гражданской войн впервые в истории России благодаря большевикам стал востребован принудительный труд не только военнопленных, но и невинных людей из числа «классовых врагов» пролетарского государства.

Литература

1. Акция Нансена // Родина. 1990. № 10.
2. Алтайская юстиция: сб. документов по истории органов юстиции Алтайского края. Барнаул, 2001.
3. Белоусова О. А. К вопросу о формировании уголовно-исполнительной системы Кузбасса (1917 – 1922 гг.) // История белой Сибири: сб. науч. ст. / ред. С. П. Звягин. Кемерово, 2011.
4. Горелов Ю. П., Барабанов Ю. В., Кимеев В. М. Памятники революции и Гражданской войны в Кузбассе. Кемерово, 1991. 158 с.
5. Гергилева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. 125 с.
6. Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. 388 с.
7. Гулаг: Главное управление лагерей. 1918 – 1960: сб. документов. М., 2002.
8. Из истории ВЧК (1917 – 1921 гг.): сб. документов. М., 1958.
9. Йожа А., Милен Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу октября. М., 1977. 384 с.
10. Красильников С. А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики 20-х начала 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920 – 1930-е гг.). Новосибирск, 1994.
11. Марченко С. Г. Начальник Щегловского домзака – Брокер // Вестник УИС Кузбасса. 2005. № 2.
12. Мить А. А. Формирование лагерной системы в Кузбассе в 1920-е – начале 1940-х гг.: оценка численности заключенных // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. К. А. Заболотская. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007.
13. Принудительный труд: сб. документов. Т. 1 / сост. Л. И. Гвоздкова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994.

Информация об авторе:

Горелов Юрий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Yury P. Gorelov – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.